

ЮЛЯ АРТЕЕВА

Аварийный Азимут

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А86

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку — *Полина Граф*
Художественное оформление — *В. Давлетбаева*

Артеева, Юля.

А86 Аварийный азимут : [роман] / Юля Артеева. — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Школьное стекло).

ISBN 978-5-17-185178-1

Многие студенты, когда поступают в университет, боятся первой сессии или строгих преподавателей. Но на самом деле все самое кошмарное в этой жизни находится за пределами учебного заведения.

Илону Быстрову все считают ветреной девушкой в короткой юбке и с пустым взглядом. Она живет с бабушкой в старой пятиэтажке и мечтает встретить богатого парня, который решил бы все ее проблемы, и больше ничего. По крайней мере, так кажется на первый взгляд.

Антон Подрезов из обеспеченной семьи, он помогает волонтерскому поисковому отряду, ездит на дорогом мотоцикле и идеально подходит Быстровой. Но, как на зло, он слишком разборчив в девушках. У них нет ничего общего, кроме учебы в одном университете. Но если эти двое смогут поладить, кто знает, может, у Антона получится отыскать не только пропавших людей, но и настоящую Илону?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185178-1

© Артеева Ю., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Мое тело — храм.

Урюмая старая церковь у реки, для которой всей деревней собирают пожертвования на реставрацию.

Мое тело — храм.

К нему тоже обращаются в минуты горевания.

Мое тело — храм.

Но разве туда не может зайти любой желающий? Чтобы поставить свечку или помолиться.

Например, за упокой души, которой лично у меня уже не осталось.

Плотный бас окружает мое тело, заставляя двигаться в ленивом ритме. Кожа от долгих танцев покрыта испариной, глаза прикрыты, потому что это помогает справиться с вертолетами, которые после нескольких коктейлей радушно берут меня на борт.

Кто-то подходит со спины и кладет руки мне на бедра. Следует за музыкой вместе со мной. Я не сопротивляюсь.

Хочет трогать — пусть трогает.

Но, разумеется, не бесплатно. Я поворачиваю голову и, перекрикивая музыку, спрашиваю:

— Угостишь?

— Не вопрос, — отвечает, касаясь губами уха, — что будешь?

— То, что откроют или сделают при мне, — смеюсь беспечно и поднимаю веки.

Лицо смазано, запах мне не знаком, касания не вызывают никаких эмоций. Но денег у меня нет, а сегодня отличный вечер, чтобы забыться за чужой счет.

Парень берет меня за руку и ведет к бару. От этого контакта — тоже ничего. Что-то механическое, как будто врач трогает.

— Секс на пляже? — спрашивает с очевидным намерением.

Но я не смущаюсь. Смеюсь, мазнув взглядом по его лицу, пока парень кладет руку мне на талию.

Тянусь к его уху, чтобы прокричать:

— До пляжа далеко, милый! Но коктейль окей. Устраивает.

Поворачиваю голову, ловлю в расфокусе толпу на танцполе и вдруг получаю разрывную пулю в голову.

Мой эквивалент внезапной смерти, извержения вулкана, конца света — стоит у входа в бар. Широкие плечи, руки в карманах джинсов, темная челка на глазах.

О, эти глаза я знаю. Несмотря на теплый карий цвет, мрачные и злые. Эти глаза знают, кто я такая и зачем я здесь.

Мы слишком далеко друг от друга, но мои ноздри дергаются, будто в действительности улавливают его запах.

Привычным движением тяну уголки губ вверх. Так люди улыбаются, я много за ними наблюдаю, я это знаю. Пусть думает, что мне весело.

— А? — поворачиваюсь ухом к своему новому знакомому.

— Как зовут, говорю?

— Илона!

— Хочешь развлечься, Илона?

— А я по жизни, — обхватив губами трубочку, делаю несколько больших глотков и лишь после этого продолжаю, — только и делаю, что развлекаюсь.

Глава 1

Илона

Когда звонит третий будильник, у меня наконец получается открыть глаза. Шторы плотно закрыты, так что комната погружена во мрак. Я вздыхаю и растираю лицо ладонями. Воздух тяжелый и спертый: я почему-то испугалась на ночь открывать окно. Подумала, вдруг будет слишком холодно и сквозняк дотянет до комнаты бабушки.

Потом замираю и прислушиваюсь. Ничего. Абсолютная тишина.

Паника затапливает за секунду, зарождаясь где-то в лобной доле, и дальше стремительно растекается по всему телу.

Подпрыгивая с постели, лечу в соседнюю комнату, стараясь, вопреки логике, сильно не шуметь.

— Ба? — почти выкрикиваю, распахнув дверь.

Она откладывает книгу и смотрит на меня через толстые стекла очков.

— Да, мышка?

— Эм-м... Доброе утро! — тут же сдаю назад, стараясь скрыть свой ужас. — Хочешь кашу или сырники?

— Илоша, покушай сама, ладно? — она улыбается, но я вижу, как тяжело ей это дается. — Я потом сама позавтракаю. Книжка больно интересная.

Я напрягаю нужные мышцы на лице, которые, как я знаю, должны изобразить улыбку. Подхожу к тумбочке, проверяю блистеры с таблетками, по памяти высчитываю, сколько не хватает. Спрашиваю:

— Не пила еще сегодня?

— Нет.

Я выщелкиваю нужные и собираю их в кучку. Потом произношу:

— Не забудь, пожалуйста. Я сделаю кашу и тебе оставлю.

Прикрываю за собой дверь и выдыхаю. Не только воздух из легких, но и собственный страх. Живая. Слава богу, сегодня живая.

После того как умер дедушка и мы остались вдвоем, не могу избавиться от ощущения, что Ба может уйти в любой момент.

Я умываюсь, готовлю завтрак на нас двоих, наскоро ем. Потом мою голову, сушу фенот и быстро прохожусь утюжком, наношу макияж. Глаза поярче, на губы — коричневый карандаш и нюдовая помада в центр. С губами мне, конечно, повезло. Их даже увеличивать не нужно, красивая четкая форма и объем. В детстве дразнили губошлепкой, но сейчас я очень довольна. Спасибо мамочке. Хоть за это.

Когда натягиваю черные колготки, длинными ногтями случайно прорываю тонкий капрон. Вырутавшись, снимаю их и швыряю на пол. Других у меня нет.

Распахнув шкаф, обзираю его небогатое содержимое.

— Черт, черт, черт, — приговариваю тихо.

На всякий случай перерываю ящик с нижним бельем и нахожу чулки. Слава богу! Надеваю плиссированную черную юбку и становлюсь напротив зеркала в дверце старого гардероба. Наклоняюсь, чтобы проверить, в какой момент становится видно резинку чулок. Ну, что ж... Тело — это всего лишь тело. Разве оно не у всех одинаковое?

Перед выходом еще раз заглядываю к бабушке:

— Я в универ.

— Пока, мышка, — говорит она и добавляет тихо, — я так рада, что ты учишься.

Напрягая нужные мышцы, изображаю улыбку. Наверное, Ба уже не будет, когда меня выпнут из этого учебного заведения. Пусть порадуется сейчас.

В узкой прихожей надеваю грубые черные ботинки, накидываю куртку и беру маленький рюкзачок. И то, и другое, и третье только притворяются кожаными, но выглядят вроде бы неплохо.

На улице бегу, шурясь от порывов осеннего ветра, до остановки. Там пританцовываю, сразу же продрогнув, и прячу лицо от мороси, которая висит в воздухе. Когда вижу тормознувшую старенькую бэу, а за рулем знакомое лицо, тут же падаю на пассажирское.

— Привет! — чмокаю друга в щеку.

— Доброе утро, Ракета.

— Как вчерашние маневры? — спрашиваю, имея в виду девушку, которую он приглашал в кино.

— Успешно.

— Мама как? — уточняю будто бы беспечно.

— Как обычно.

Я киваю и смотрю в окно. Потом спрашиваю:

— Можно подрублюсь?

— Давай.

Я подключаю телефон к машине и включаю свой плейлист. Но, забыв, какой трек добавила последним, краснею, когда на всю машину гремит «Распалась укладка, размазана тушь, себя собрала опять впопыхах».

Magic Man – Бабочки

Матвей хмыкает, не отрываясь от дороги:

— Бабочки же тоже попадают в ад?

— Да, — соглашаюсь легкомысленно, — обжигая бархатные крылья.

Мы с другом улыбаемся. В машине тепло и пахнет новым ароматизатором, кажется, что-то цитрусовое. Я сползаю в кресле пониже, и Стрелков говорит:

— Ракета, чулки.

Я фыркаю:

— На дорогу смотри.

— Если одернешь юбку, это будет сделать проще.

— Боже, — ворчу, послушно поправляя одежду, — во-круг сплошные ханжи и моралисты! Че ты там не видел?

Матвей качает головой:

— Хорошая ты девка, Ракета, но шальная, конечно. Все я там видел, но лишний раз лучше не показывай, дружить меня устраивает.

— Меня тоже, — произношу отстраненно, глядя в окно.

И это чистая правда. У нас с ним никогда ничего не было, даже флирта. Не знаю, почему, но с первой встречи именно так сложилось. Наверное, я совсем ему не нравлюсь, но, честно говоря, только рада этому. Стрелков — единственный мужчина, с которым я чувствую себя в полной безопасности. И мы действительно видели друг друга в самых разных состояниях. На свой прошлый день рождения я так напилась, что другу пришлось тащить меня домой на себе, полоскать меня в ванной и даже застирывать мое праздничное платье. А месяцем позже я делала все то же самое для него. Ну, кроме платья, разумеется. Такое Стрелков не носит.

Когда мы подъезжаем к универу и паркуемся, уже взявшись за ручку двери, я вдруг замечаю мотоцикл. Черный, блестящий и какой-то... опасный? Управляет им парень, тоже во всем черном. Выглядит как всадник апокалипсиса. У меня аж дыхание перехватывает.

Смотрю, как он останавливается, ставит мотик на подножку, ловким движением снимает шлем и проводит рукой по темным волосам.

— Это кто? — спрашиваю у Матвея.

Проследив за моим взглядом, друг хмыкает:

— Не, Ракета, сори. Не твой пассажир.

— Почему?

Мой голос звучит беспечно, но по телу разливается ядовитая обида. Несмотря на это, продолжаю сканиро-

вать байкера. Широкие плечи, проколотые уши, пухлые губы. От него просто несет густой мужской энергетикой.

— Слишком разборчивый. Не в обиду, — морщится Мот от того, что сам же и сказал, — я просто видел его бывшую. Такая принцесска. Еще и блондинка.

— На то она и бывшая, милый, — смеюсь. — Так кто это?

— Антон Подрезов. Из моей группы.

— Из твоей? — восклицаю возмущенно, пока парень здоровается с кем-то за руку. — И ты мне не рассказал?!

— Ага, — фыркает Стрелков, — берег его честь.

Со смешком закатываю глаза:

— Придурочный.

— Я?! — уточняет с возмущением, рассовывая по карманам свои вещи. — Я вообще лапочка. Котик. Свет очей твоих.

— Ага, конечно, а сам умолчал о таком сокровище!

— Илона, серьезно, лучше не надо. Хорошего не выйдет.

— Ты гадалка?

— Таролог.

— Познакомишь с одноклассником? Таролог.

— Ракета...

— Мот, просто познакомь.

— Ладно, идем, — цедит он.

Я выбираюсь на улицу, одергиваю юбку и поправляю волосы. Замечаю, что байкер уже двигает к зданию университета, и тороплюсь ему наперерез. Если буду ждать Стрелкова, помру одинокой. Так что делаю вид, что засмотрелась в телефон, и влетаю ему в плечо. Роняю рюкзак на землю.

— Ой! — выдаю с сожалением.

Парень смотрит на меня недоуменно, но все же наклоняется и сам подбирает рюкзачок. Вручает мне, пока я хлопаю ресницами и кокетливо ему улыбаюсь. С досадой отмечаю, что Матвей был прав: интереса в глазах я не вижу.

— Привет, — говорит подоспевший Стрелков, — Резкий, здарова.

Я на секунду теряюсь. Резкий. Не знаю, почему, но прозвище впечатляет, и с меня спадает привычная маска. И в этот момент Антон почему-то прищуривается, глядя мне в лицо.

У него теплые ореховые глаза, но взгляд пронизывающий и холодный.

— Привет.

— Это Илона, моя подруга.

Я с готовностью протягиваю руку. Подрезов прищуривается еще сильнее и пожимает мою ладонь. Его — сухая, широкая и теплая. Прикосновение внезапно ощущается ярко. Я чувствую даже мозоли на его коже. Наверное, от руля мотоцикла? Такое бывает?

Я очень тактильный человек. Так говорит бабушка. Но правда в том, что я как раз плохо чувствую свои границы и границы чужих людей. Обняться, поцеловаться для меня — как зубы почистить, ничего особенного.

Но, касаясь руки этого парня, вдруг понимаю, что это приятно.

Дрогнув, забираю свою ладонь из его захвата. Антон снова смотрит на меня внимательно, но, когда я начинаю часто моргать ресницами, кажется, все порчу, потому что он снова теряет ко мне интерес.

Но сдаваться я не собираюсь. Обычно я точно знаю, какие крючки закинуть, чтобы рыбка клюнула. Этот, видимо, любит рыбачить сам. Что ж, придется потрудиться.

Резкий, как назвал его мой друг, кивает нам на прощание и уходит, наглядно демонстрируя собственное равнодушие.

Я задумчиво смотрю ему в спину. Уверенные движения и мотоциклетный шлем в руке делают его просто неотразимым. Быстро оглядевшись, понимаю, что заинтересованным взглядом провожаю его не одна. Может быть, это и правда не мой пассажир.

- Ну что? — спрашивает Матвей.
- Сам вроде видишь.
- Я предупреждал.
- Ты заколебешь.
- Согласен, — кивает он с усмешкой, — идем?
- Идем, — соглашаюсь легко.

Беру Стрелкова под руку, и мы вдвоем шагаем к широким ступеням.

Я говорю:

- Этот Антон... Он выглядит дорогого.
- Так и есть.
- Интересный парень, — роняю тихо и вытягиваю губы трубочкой, снова задумавшись.
- Ракета, — вздыхает Матвей, — ну куда ты лезешь опять?
- Скучно мне, Мотик, если никуда не лезть.
- Ну смотри, не плачь потом у меня на плече.
- Ой, да когда я последний раз плакала! — восклицаю возмущенно.

Стрелков поднимает руку и с готовностью загибает пальцы:

— На выпускном концерте в центре, или когда смотрели последнего Дэдула, или когда увидела больного голубя...

Я смеюсь и толкаю его в плечо:

- Ладно! Я ужасный нытик, доволен?
- О да!
- Но на выпускном правда было трогательно.

Матвей смотрит на меня искоса и кивает. Когда мы заканчивали свои школы, то не были особо эмоциональны, а вот когда выпускались из реабилитационного центра для неблагополучных подростков, рыдали все. Даже у Мота глаза были влажные.

Весь преподавательский состав много для нас сделал, а главный руководитель, Кирилл Вадимович, пристроил на дальнейшее обучение всех, кого смог. Нам со Стрел-

ковым тоже повезло, прошли по квоте, только на разные факультеты. Не думаю, что смогу тут задержаться, но попробовать в любом случае прикольно.

Честно говоря, у меня на жизнь несколько другие планы. Мне просто нужен правильный парень. Ну, понимаете, да? Который обеспечил бы меня не только любовью, но и в целом.

На первом этаже, лавируя в толпе студентов, придвигаемся с Мотом ближе друг к другу. Его прикосновения тоже ощущаются достаточно теплыми. Только иначе. Как будто с братом.

Мы сдаем куртки и расходимся в разные стороны, дежурно чмокнув воздух у щек друг друга.

Я немного блуждаю по коридорам, запутавшись в нумерации аудиторий, поэтому, когда нахожу нужную, препода уже что-то вещает. Я крадусь к своему месту рядом с девчонкой, с которой смогла наладить контакт.

— Привет, — шепчу Ладе.

— Потерялась?

— Ага.

— Я тоже еле нашла.

Достаю тетрадь на кольцах, шурюсь на педагога. У меня небольшой минус по зрению, но мне это особо не мешает, а вот на очки деньги тратить не хотелось бы.

Кручу в пальцах ручку. Господи, как бы сосредоточиться, чтобы понять, о чем вообще лекция.

Через пять минут оставляю попытки вникнуть и отправляюсь серфить по социальным сетям. Разумеется, первым делом я отыскиваю Антона Подрезова. Почти все его фото — в мотоциклетном шлеме. При таком красивом лице, если хотите знать мое мнение, это просто преступление.

Я поворачиваю телефон к Ладе экраном и шепчу:

— Ты его знаешь?

— Подрезов? Конечно.

— Почему все его знают, кроме меня, — шиплю недовольно.

Егорова широко улыбается:

— А нафиг нам конкуренты?

— Справедливо. Он тебе нравится?

Она пожимает плечами:

— Красивый парень. Вечный покерфейс, мотоцикл, тело просто... вау. Но нет, — она хмыкает, — не цепляет.

Смотрю, как Лада записывает что-то в тетрадь, и зеркалю ее действия. Пишу обрывки фраз, в действительности не отслеживая смысл.

Не цепляет. Интересно, почему? Разве Антон не из тех парней, которые нравятся всем? Или таких людей вообще нет?

Я наклоняюсь к соседке, когда она сосредоточенно прочесывает светлые волосы пальцами и слушает лекцию, нахмутив брови.

Наконец решаюсь уточнить:

— Почему?

— А?

— Почему не цепляет?

Лада поворачивается ко мне, и взгляд ее напоминает сканер. Она как будто недоумевает, почему я вообще задаю этот вопрос.

Потом шепчет:

— Я из тех, кто думает, что у людей есть вторые половинки. Этот — точно не моя.

Не справившись с эмоциями, я искренне фыркаю от смеха и тут же прикрываю рот ладонью. Неразборчиво бормочу:

— Извини.

— Ничего. Если повезет, то и ты поймешь, о чем я говорю. То есть... — расширив глаза, она замирает.

Ничего ужасного сказано не было. А я и так знаю, какая у меня репутация. Просто иногда становится жаль, что люди так быстро складывают свое мнение о ком-то. Молниеносно, ни во что не погружаясь. Мы знакомы-то

несколько недель, с чего она взяла, что ей все про меня понятно?

Я поднимаю уголки губ наверх, рисуя улыбку. Киваю в знак того, что поняла и не обиделась. А потом проваливаюсь в собственные мысли, вычерчивая дурацкие узоры на полях тетради.

Настроение, как ни странно, портится. Но я все равно старательно смеюсь и улыбаюсь, когда общаюсь с ребятами из группы между парами. В столовой мы тоже сидим все вместе, наперебой обсуждая преподав и запутанные лабиринты университета.

И только когда под конец дня мы выходим в холл, я говорю, что мне нужно отойти. Закрываюсь в кабинке туалета и роняю лицо в ладони.

Хочется себя жалеть и плакать, но слезы не идут. Я просто беспорядочно дышу в собственные руки и думаю о том, что даже страдать по-человечески не умею.

Лада хорошая, но она ко мне относится чуть снисходительно, я это вижу. Почему-то все равно общается. Может, у нее какой-то комплекс спасителя, и она думает, что без нее подруг у меня тут не будет? Я очень стараюсь понравиться ребятам из группы, но девочки все равно меня немного сторонятся.

Справившись с неожиданным приступом эмоциональности, я выхожу к раковинам, обтираю мокрыми руками шею. Смотрю на себя в зеркало. Темные волосы, голубые глаза, полные губы. Может, только брови чуть широковаты, за это меня тоже дразнили. В остальном я кажусь себе красивой. Может, за это не любят. А может, я недостаточно хорошо притворяюсь нормальной, и нужно стараться лучше.

В холле обнаруживаю, что никого из моей группы уже нет, а Матвей сегодня на тренировке по баскетболу. Так что я забираю куртку и иду на улицу в гордом одиночестве.

Остановившись на крыльце, тут же вижу Антона Подрезова. Он стоит у своего мотоцикла, в одной руке дер-

жит шлем, в другой — телефон, что-то сосредоточенно там печатает.

В груди ворочается какое-то странное теплое чувство. Резкий мне нравится. Как и многие другие, конечно, но ощущается почему-то иначе. Может, потому что отшил?

Быстро сбегая по ступеням, на ходу натягивая куртку, и подхожу к Антону. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем он меня замечает. Поднимает голову и рассеянным взглядом утыкается в мое лицо.

— Привет, — говорю радостно.

Он опускает взгляд ниже, не торопясь, разглядывает меня до самых ботинок, а потом так же медленно возвращается к глазам. Мне вдруг становится неудобно за то, как я одета. На мне все чистое, но очень дешевое. Этот парень запакован совершенно в другие шмотки.

— Забыл, как тебя зовут, извини, — роняет без сожаления.

— Илона.

— Точно. Лола. Что нужно?

То, как Антон сокращает и трансформирует мое имя, неожиданно нравится. Так меня вроде бы никто еще не называл. Если ему так будет проще запомнить, то и ладно. Пусть будет Лола.

— Прокатишь? — интересуюсь, с улыбкой кивая на мотоцикл.

— Извини, нет с собой второго шлема.

— М-м, ну не страшно. Я готова к опасности.

Улыбаюсь своей самой кокетливой из улыбок, но не вижу никакого, даже минимального, интереса. Я выставлю вперед колено в надежде на то, что Антон хоть немного похож на обычного мужчину.

Но он, кажется, скроен из каких-то других материалов, потому что продолжает пялиться мне в глаза. При этом очень меланхолично.